

Г. Кёхлер²

БОРЬБА ЗА МИРОВОЙ ПОРЯДОК: РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЕНА ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

I

До тех пор, пока существуют суверенные государства, международный порядок формируется *волей* к сохранению статуса-кво и *протестом* против нее. Основные действующие лица — те, кто одержал верх в борьбе за власть, будь то в горячей или холодной войне или в какой-либо другой форме соперничества, — всегда будут делать все необходимое, по их оценке³, чтобы сохранить и увековечить свое привилегированное положение за счет других.

В отличие от того, что было предложено бенефициарами статуса-кво после окончания холодной войны, сейчас мы не являемся свидетелями наступления новой эпохи беззакония или, наоборот, конца так называемого «существующего миропорядка по понятиям, а не в соответствии с международным правом». «Закон силы» определяет ход событий с самого начала истории. Этот закон остается неизменным, несмотря на принятие международных соглашений и создание организаций, призванных предотвращать войны. Несмотря на торжественные заявления об обратном, ни Вестфальский мирный договор после Тридцатилетней войны (1648), ни Священный союз после Наполеоновских войн (1815), ни Лига Наций после Первой мировой войны, ни Организация Объединенных Наций после Второй мировой войны не положили конец применению силы в отношениях между государствами. Чаще всего завершение войны предвещало не долгий мир (не говоря уже о кантовском видении *ewiger Friede* — «вечного мира»), а новую борьбу за власть — либо между группой победителей, либо одним гегемоном, стремящимся к имперскому правлению. Те, которые являются или считают себя победителями, пытаются увековечить свое доминирующее положение. Это утверждение было верно как для «Концерта великих

держав» после Венского конгресса, так и (все еще) для сегодняшней «пятерки» P5 — пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, которых Ганс Моргентау однажды назвал «Священным союзом нашего времени» [18, р. 503]. Военные интервенции на периферии Европы, оправданные «великими державами» XIX века во имя «гуманности», отражаются в «гуманитарных интервенциях» западных держав после окончания холодной войны [13].

Несмотря на запрет применения силы между государствами в Пакте Келлога–Бриана 1928 года и в Уставе Организации Объединенных Наций, могущественные государства продолжают вести войны и сегодня, игнорируя вопросы законности. За годы, прошедшие после окончания Второй мировой войны, система «коллективной безопасности» ООН показала свою неэффективность. Разрушительные войны, фактически односторонние агрессии — в Корее, Вьетнаме, Афганистане и совсем недавно в Югославии, Ираке, Сирии, Ливии — свидетельствуют о превосходстве национальных интересов над международным правом, несмотря на торжественное обязательство ООН «спасти грядущие поколения от бедствий войны» [21].

В 2022 году ничего не изменилось. Те, кто сейчас сожалеет о конце «миропорядка по понятиям, но не в соответствии с международным правом», попросту лицемерят. Такого порядка никогда не существовало. Невзирая на громкие заявления, сделанные после крупных катастроф в Европе и мире в 1815, 1918 и 1945 годах, — каждое новое начало было чревато противоречиями и несоответствиями. Было ли это обещание сторон, подписавших Договор о Священном союзе, соблюдать «принципы справедливости, христианского милосердия и мира»⁴ или твердое намерение основателей ООН «объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности» [21], вместо того чтобы возвещать новую эпоху мира, уверенность государств-победителей в своем моральном превосходстве привела лишь к дальнейшей безудержной борьбе за власть, региональное или глобальное превосходство.

Так, обещание собравшихся в Сан-Франциско основателей ООН создать новый глобальный порядок, который будет основан на строгом запрете применения силы в отношениях между государствами и реализован с помощью тщательно продуманной системы коллективной безопасности, изложенной в гл. VII Устава ООН, с самого начала было невыполнимым. Созданная ими система была разработана таким образом, что освобождала ответственных за нее победителей 1945 года от этого запрета. Достаточно прочитать текст Устава, написанный мелким шрифтом. Пункт 3 ст. 27 предусматривает, в несколько уклончивой фор-

¹ Критика цифрового разума / гл. ред. В. В. Савчук. СПб.: Акад. исследования культуры, 2020.

² Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

³ В частности, после окончания холодной войны фраза «все необходимые средства [меры]», используемая в резолюциях Совета Безопасности, стала часто употребляемым клише в изложении корыстных оправданий способов чрезмерного применения силы.

⁴ Параграф 2 «Государственные и политические отношения» Договора о Священном союзе (договор между Австрией, Пруссией и Россией, подписанный в Париже 26 сентября 1815 г.).

мулировке, что постоянные члены Совета Безопасности могут наложить вето на любую принудительную меру в отношении самих себя, даже если они являются стороной в споре, в том числе в случаях, когда они применяют силу или угрожают другим государствам применением силы [15]. Этот странный вид «процедурного иммунитета» фактически также применяется к государствам, состоящим в союзе с постоянным членом. Таким образом, на самом деле среди великих держав была создана система *анархии*. Уже с момента своего основания ООН была беспомощна перед злоупотреблениями. Готов ли кто-то признать это или нет: система анархии среди великих держав — это система анархии среди всех. Длинный список случаев одностороннего применения силы постоянными государствами-членами с первых лет существования организации свидетельствует об этом двусмысленном положении международного верховенства права под эгидой ООН. Всякий раз, когда постоянный член или один из его союзников становится участником конфликта, Совет Безопасности оказывается парализован.

На самом деле фактор, сдерживавший после 1945 года развязывание новой глобальной войны, — не система коллективной безопасности ООН, а *баланс сил* между двумя основными игроками периода холодной войны — Советским Союзом и Соединенными Штатами, хотя этот баланс и не был устойчивым. Глобальная безопасность основана на взаимном *сдерживании*. Ситуация изменилась после событий 1989 года. Нарушение двухполярного баланса сил привело к тому, что самопровозглашенный победитель в холодной войне вместе со своими союзниками смог безнаказанно использовать войну для продвижения своих геополитических целей — в Югославии, Ираке или Афганистане (это лишь некоторые из наиболее последовательных случаев применения военной силы в тот период). В марте 1991 года президент США Джордж Буш, торжественно объявляя о победе в войне в Персидском заливе, говорил о «вполне реальной перспективе нового мирового порядка». Он утверждал, что «Организация Объединенных Наций, вышедшая из тупика холодной войны», теперь сможет «реализовать историческое видение своих основателей», и, заимствуя фразу из речи Уинстона Черчилля после Второй мировой войны, предположил, что это будет мир, в котором одержат верх «принципы справедливости и честной игры» [10].

Никакие утверждения не могли быть дальше от истины. В условиях гегемонии 1990-х годов упомянутый ранее структурный недостаток в Уставе ООН стал еще более существенным и пагубным для глобального порядка. Внезапно США смогли, проводя политику силы, определять глобальную повестку дня не только без соблюдения установленных процедур в рамках системы коллективной безопасности ООН (благодаря своим привилегиям в соответствии со ст. 27 [3]), но и в отсутствие возражений. Из-за этого международная анархия вышла на новый уровень. Подчеркну еще раз: элемент анархии был заложен в Уставе ООН. Согласно этому самому статуту запрет агрессивной войны неизбежно будет *неэффективным*, когда речь идет об ограничении утверждения своей власти наиболее могуще-

ственными странами. Это означает беззаконие в силу закона (а именно буквы Устава). Таким образом, ООН обречена на роль простого наблюдателя, если в конфликте участвует постоянный член Совета Безопасности. Мы не должны иметь иллюзий относительно «законов» международной *realpolitik* (реальной политики, или, точнее, политики силы): безнаказанность, согласно Уставу, определенных членов СБ в случаях их собственных нарушений — это не невинная процессуальная ошибка (в определенных конкретных ситуациях), а установленный законом факт. Двойные стандарты являются неотъемлемой частью функционирования всемирной организации в ее самой важной обязанности — поддержании международного мира и безопасности. Если бы это было не так, организация никогда бы не была создана. Комментируя право вето, бывший Госсекретарь США Корделл Халл был откровенен: «Наше правительство не осталось бы там [в ООН] и дня, не сохранив за собой право вето» [4, р. 1664].

II

Однако доминирование силы над законом, подтвержденное Уставом и практикой ООН (как сформулировано некоторыми из ее ведущих членов), в конечном счете может привести к саморазрушению. Это похоже на урок истории, который так и не был усвоен: каждая попытка утвердить свою власть, особенно со стороны претендующего на гегемонию государства, провоцирует ответную попытку. Стремление к постоянному доминированию, присущее логике гегемонистского правления, создает бесконечные проблемы для любого защитника статус-кво в его стратегии, направленной на то, чтобы помешать конкуренту достичь стратегического паритета. «Эффект ответного удара», как его метко описал Чалмерс Джонсон в своей фундаментальной работе «Исдержки и последствия создания американской империи» [5], может привести к конфронтации и вооруженным конфликтам по всему миру.

Глобальная борьба за власть вступила в новую фазу. В начале XXI века именно вызов гегемонии США в мире (*pax Americana*) определяет трансформацию глобального порядка в направлении новой многополярной расстановки сил, которая будет отличаться от существовавшей среди государств — членов P5 в течение короткого периода после 1945 года. Напомним, что, согласно гл. VII Устава ООН была создана как инструмент P5 для управления миром.

Несколько десятилетий в условиях биполярности (после 1950-х гг.) и относительно короткий «однополярный период» (после 1990 г.) остались в прошлом, и теперь разворачивается новая и сложная динамика соотношения сил, которую Збигнев Бжезинский в свое время описывал как «глобальную перестройку» [3, р. 1–3]. Консенсус великих держав, воплощенный в Уставе ООН, больше не отражает реальность. Уходит в небытие не только господство Запада, но и традиционный индустриальный мир. Из-за отсутствия сдержек и противовесов в системе коллективной безопасности ООН принцип однополярности с доминированием США глубоко дестабилизировал мировой порядок

и создал вакуум власти в стратегически важных регионах. Страны, которые были исключены из баланса сил во время холодной войны и тем более в период однополярности, формируют новые альянсы [16, р. 61–73]. В то время как центр экономического притяжения смещается с Запада на Восток, создаются альтернативные торговые и финансовые сети, которые лучше отражают глобальные реалии и строят новые мосты между Севером и Югом. Этот процесс ускоряется тем, что западные державы, в частности США, продолжают настаивать на своем праве диктовать правила и исключать тех, кто не соблюдает навязываемые ими требования. Незаконная политика односторонних санкций, введенная (и во многих случаях применяемая экстерриториально) Соединенными Штатами и Европейским союзом, является свидетельством исключительности, которая противоречит целям и принципам ООН. Эта политика не только серьезно подорвала систему свободной торговли ВТО, но и сделала токсичным климат международного сотрудничества и глубоко дестабилизировала систему глобальной безопасности [12, р. 27–47]. Односторонняя стратегия, по сути, является ревизионистской. Она стала частью более масштабной борьбы за власть в начале XXI века, а именно за сохранение доминирующего положения Запада в условиях формирующегося нового порядка, который будет отличаться от хрупкого многополярного баланса сил после Второй мировой войны.

По своей структуре эта стратегия напоминает борьбу за власть в более ранние переходные периоды. Однако что изменилось в постоянной борьбе за власть, так это ее последствия для выживания человечества. Любая «перегруппировка» — или перестройка — в глобальном балансе сил с участием основных глобальных игроков теперь происходит под дамокловым мечом ядерного уничтожения. Остается надеяться, что этот риск, по крайней мере, предостережет разумных правителей, которые понимают логику «взаимного сдерживания». Аргумент в пользу сдерживания базируется на обосновании «гарантированного взаимного уничтожения» — еще одного термина из времен холодной войны. Однако призыва к рациональности и ответственности лидеров великих держав в Совете Безопасности может оказаться недостаточно. Несмотря на масштабную и очень важную стратегию нераспространения, воплощенную в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)¹, ядерный военный потенциал уже распространился за пределы традиционного «ядерного клуба». Нестабильная глобальная ситуация и политика вмешательства с целью смены режима в годы после окончания холодной войны, судя по всему, привели к тому, что все большее число стран рассматривают ядерное оружие как полис по страхованию жизни. Консультативное заключение Международного суда, оставляющее открытым вопрос о том, соответствует ли применение ядерного оружия международному праву в случае, когда на карту поставлено выживание государства («в чрезвычайном случае самообороны»²), ничуть не упростило ситуацию. Несмотря на юридические неясности, в логи-

ке взаимного гарантированного уничтожения страховой полис ради выживания может быстро превратиться в гарантию коллективного самоубийства.

Кроме того, ядерный потенциал растущего числа государств серьезно нарушит соотношение сил и может сделать глобальную перестройку гораздо более непредсказуемой и хаотичной, что чревато риском глобального конфликта. Обладая ядерным оружием и ракетными системами большой мощности, маленькая, в остальном слабая и маловлиятельная страна может полностью нарушить силовой баланс и даже диктовать свою волю великим державам. Несоответствие между показателями силы — экономическими, политическими и военно-конвенциональными по сравнению с неконвенциональными — не поддается даже самым тщательным геополитическим расчетам. Из-за этого юридический запрет на ядерное оружие, подобный недавно принятому³, может носить только *декларативный* характер — как акт того, что мы по-немецки называем *Gesinnungsethik* (этика совести). Вместо принятия договора, который с самого начала не имеет законной силы, необходим акт *Verantwortungsetik* (этики ответственности) со стороны лидеров ядерных государств, обязывающих свои страны проводить *политику неприменения первыми* [20, р. 130–137]. В данном случае уместно напомнить о достигнутом всего несколько месяцев назад консенсусе между пятью постоянными членами Совета Безопасности относительно заявления о неприменении первыми. В своем совместном заявлении лидеры пяти стран провозгласили, в частности, что «в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана» и что «ядерное оружие — до тех пор, пока оно продолжает существовать — должно служить оборонительным целям, сдерживать агрессию и предотвращать войну» [6].

III

Состояние международных дел в том виде, в каком мы его описали, ставит перед миром вопрос о том, как «организовать» жажду власти — и сопутствующее ей взаимное недоверие между государствами — таким образом, чтобы она в конечном счете не победила саму себя, то есть чтобы в ядерную эпоху она не привела бы к самоуничтожению человечества. Что необходимо, так это новая *честность в реальной политике*. История силовой политики была чередой грандиозных заблуждений и нечестных заявлений тех, кто стремился править миром или, более «скромно», изменить баланс сил в свою пользу — будь то Александр Македонский, завоевавший Азию два с половиной тысячелетия назад, или «концерт великих держав», собранный на Венском конгрессе, Британская империя XIX века или Соединенные Штаты Америки, провозгласившие свою «победу» в холодной войне и в наш «постмодернистский» век взявшие на себя обязательство перестроить мир по своему образу и подобию [9, р. 19ff]. Они упоминают «цивилизацию», «мир» или, говоря современным языком, «права человека», «демократию», «справедливость» и «верховенство пра-

¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

² <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/188.pdf>.

³ <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/209/75/PDF/N1720975.pdf?OpenElement>.

ва». Однако то, что означают эти слова, в подавляющем большинстве случаев — национальные интересы завоевателя или конкурента в борьбе за власть. Поскольку они так типичны для лицемерной имперской хроники событий, процитируем слова премьер-министра Великобритании Стэнли Болдуина из послания ко Дню империи в 1924 году:

«Когда мы говорим об Империи, то не в духе размахивания флагом. <...> Думаю, что в глубине души мы смотрим на Империю как на средство, с помощью которого надеемся увидеть то развитие нашей расы, которое, по нашему мнению, принесет неоценимую пользу миру в целом; распространение за рубежом людей, для которых свобода и справедливость естественны как дыхание; людей, отличающихся, как мы надеемся и верим, прежде всего неизменным чувством долга» [1, p. 71f].

Ложная идеализация и иллюзии, порождаемые заявлениями о *новом порядке*, всегда контрастировали с трезвостью рассуждений и расчетов *реальной политики*. Сегодня, когда «новый мировой порядок» президента Буша, провозглашенный в 1991 году, потерпел сокрушительную катастрофу, а однополярная система, которую США стремились установить на данной основе, вызывает все больше вопросов [19], в усложняющихся *многополярных* рамках возникают новые неопределенности. Из «большой шахматной доски» [2] планета превратилась в поле для силовой игры между более чем двумя или тремя традиционными игроками¹. Появляются новые группировки, и расстановка сил на «доске» постоянно меняется, так что делать прогнозы практически невозможно. Помимо традиционных «крупных игроков» и региональных либо мировых группировок, таких как Организация Североатлантического договора, Европейский союз (ЕС) или G7, вызов глобальной архитектуре, в которой доминирует Запад, стали бросать межправительственные организации — Африканский союз, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.

Неудивительно, что это вызвало шквал «союзнической дипломатии» в соответствии с древней имперской максимой: *divide et impera!* (разделяй и властвуй). По сути, речь идет о «сдерживании» новых формирующихся держав и (или) их альянсов, чтобы сохранить власть и привилегии самозванных стражей глобального порядка. Среди этих «реактивных», все еще несколько неформальных альянсов фигурируют «Четверка» (Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности [QSD] между США, Японией, Австралией и Индией) и AUKUS (трехсторонний пакт о безопасности между Австралией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами). Дублирующее членство в этих структурах (глобально-региональных) обладает огромным разрушительным потенциалом, создавая новые риски межрегиональной и внутрирегиональной конкуренции (например, между Индией и Китаем, Японией и Кита-

ем). Эти структуры, в свою очередь, может оппортунистически использовать глобальная держава в попытках защитить свое доминирующее положение от любого нового соперника. Сдерживание влияния своего главного антагониста в Азии и предотвращение образования новой геополитической группировки действительно было главным мотивом США для вступления в вышеупомянутые альянсы.

В сложившихся обстоятельствах не существует глобального арбитра в виде межправительственной организации, которая была бы способна сдерживать перераспределение сил в постепенно формирующейся многополярной системе. В этом также заключается экзистенциальный вызов для ООН: *как пережить переход от многополярного порядка 1945 года к многополярному порядку XXI века?* Организация просто станет неактуальной, если она в своей работе будет исходить из уходящих реалий — баланса сил предыдущей эпохи. С учетом предусмотренного законом права вето «держав 1945 года» на любую поправку к Уставу² проблемы кажутся практически неразрешимыми. После периода деколонизации после Второй мировой войны, четырех десятилетий холодной войны и по окончании периода дестабилизирующей гегемонии великая задача международного сообщества будет заключаться в том, как управлять реальным постколониальным миром XXI века, где бывшие колониальные страны, наконец, освободятся от постоянной опеки и придется каким-то образом интегрировать Глобальный Юг в общий баланс сил. Среди прочих мер потребуется расширение Совета Безопасности за счет увеличения числа постоянных членов.

Заключение

Вера в то, что можно установить статичный мировой порядок, — это заблуждение, поскольку невозможно выработать такие правила, которые будут неизменными и обязательными для всех и обеспечат застывшую во времени стабильность. В реальном мире история — это последовательность постоянно меняющихся, динамичных силовых диспозиций среди тех, кто достигает статуса «главного игрока» в тот или иной момент. Их усилия, хотя в конечном счете и тщетны, по сохранению *статус-кво* и сдерживанию соперников «всеми необходимыми средствами» всегда служили движущим фактором международных конфликтов [11]. Какие бы положения (нормы, принципы) и механизмы международное сообщество ни принимало, человеческая природа остается неизменной.

На фоне явно перманентной борьбы за мировой порядок «вечный мир» — такой, каким он виделся Иммануилу Канту (*ewiger Friede*) [7], останется благородной идеей. Тем не менее она может играть роль ориентира в моральном выборе или для исправления эксцессов *geopolitik*, которые в наш ядерный век могут угрожать выживанию человечества. *Мировое государство*, которое могло бы в одиночку покончить с межгосударственными конфликтами и «трагедией» силовой политики, как метко описал это Джон Миршаймер [17], было бы тоталитарным колоссом, приоритетные задачи которого

¹ Соединенные Штаты, Союз Советских Социалистических Республик, Китай — за два десятилетия начиная с 1970-х годов.

² Согласно ст. 108 Устава для внесения поправок требуется согласие постоянных членов Совета Безопасности.

никогда не совпадали бы со стремлением человечества к свободе (общей и индивидуальной), сохранению цивилизационного разнообразия и самоопределению.

Кроме того, в сегодняшней системе суверенных национальных государств еще невозможно международное право, если слово «право» понимать буквально. В отличие от норм морали, нормы права, как убедительно доказал Ганс Кельзен [8, с. 94ff], отличаются *едиными* механизмами ответственности в случае их нарушения. В сегодняшней системе они отсутствуют. Формулировка Устава ООН не оставляет сомнений в одном: *сила выше закона*, когда речь идет о суверенном статусе постоянных членов организации, которые должны обеспечивать применение «закона» согласно положениям о коллективной безопасности в соответствии с гл. VII Устава [14, р. 875–885].

В отсутствие единых механизмов обеспечения соблюдения норм международного поведения государствам, возможно, придется полагаться на правила и принципы «старомодной» *realpolitik*. С учетом последствий ядерной войны любая глобальная перестройка в формирующейся новой многополярной системе должна основываться на *разумном расчете* интересов каждой страны в выживании на основе *взаимности*. (В этом также заключается суть принципа ООН о «суверенном равенстве» государств [21].) Борьба за мировой порядок не закончится коллективным самоубийством только в том случае, если надежный баланс сил удержит каждого игрока от нанесения удара первым. Такое положение будет сохраняться до тех пор, пока эскалация не будет эффективно сдерживаться законом. В *реальном мире* — до тех пор, пока человечество не «изобретет себя заново», — мир, каким бы разочаровывающим он ни был, не «гарантирован» законом, а поддерживается страхом разрушения.

Литература

1. Baldwin, S. On England and other Addresses / S. Baldwin. — New York : Frederick A. Stokes, 1926. — Текст : непосредственный.
2. Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. — New York : Basic Books, 1997. — Текст : непосредственный.
3. Brzezinski, Z. Toward a Global Realignment / Z. Brzezinski. — Текст : непосредственный // The American Interest. — 2016. — Vol. 11, № 6 (July/August).
4. Hull, C. The Memoirs of Cordell Hull / C. Hull. — New York : Macmillan Co., 1948. — Vol. 2. — Текст : непосредственный.
5. Johnson, Ch. The Costs and Consequences of American Empire / Ch. Johnson. — New York : Metropolitan Books, 2000. — Текст : непосредственный.
6. Joint Statement of the Leaders of the Five Nuclear-Weapon States on Preventing Nuclear War and Avoiding Arms Races. January 03, 2022. — Текст : электронный // The White House : [сайт]. — URL: [whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/03/p5-statement-on-preventing-nuclear-war-and-avoiding-arms-races](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/03/p5-statement-on-preventing-nuclear-war-and-avoiding-arms-races) (дата обращения: 02.06.2022).
7. Kant, I. Zum Ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf / I. Kant. — Königsberg, 1795. (Philosophische Bibliothek. Vol. 443 / editor Heiner F. Klemme. — Hamburg : Felix Meiner, 1992.) — Текст : непосредственный.
8. Kelsen, H. Reine Rechtslehre [1934] / H. Kelsen ; editor M. Jestaedt. — Tübingen ; Vienna : Mohr Siebeck : Verlag Österreich, 2017. — Текст : непосредственный.
9. Kissinger, H. Diplomacy / H. Kissinger. — New York : Simon & Schuster, 1994. — Текст : непосредственный.
10. Köchler, H. Democracy and the New World Order / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 1993. — Vol. XIX.
11. Köchler, H. Power and World Order / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Current Concerns (Special Edition). — Zurich, 2022 (Febr.).
12. Köchler, H. Sanctions and International Law / H. Köchler. — Текст : непосредственный // International Organisations Research Journal. — 2019. — Vol. 14, № 3. Economic Sanctions, Global Governance and the Future of World Order.
13. Köchler, H. The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of “Just War” Compatible with the International Rule of Law? / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 2001. — Vol. XXVI.
14. Köchler, H. The Dual Face of Sovereignty: Contradictions of Coercion in International Law / H. Köchler. — Текст : непосредственный // The Global Community : Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2019. — New York : Oxford Univ. Press, 2020. — Part 6 : Recent Lines of Internationalist Thought.
15. Köchler, H. The Voting Procedure in the United Nations Security Council: Examining a Normative Contradiction and its Consequences on International Relations / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 1991. — Vol. XVII.
16. Köchler, H. World Order in an Age of Transition / H. Köchler. — Текст : непосредственный // The Saint Petersburg Lectures: Civilization and World Order : Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 2019. — Vol. XXXIV.
17. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics / J. J. Mearsheimer. — New York : W. W. Norton & Company, 2014. — Текст : непосредственный.
18. Morgenthau, H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / H. Morgenthau. — [6th ed.]. — New York : Knopf, 1985. — Текст : непосредственный.
19. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. — Munich, 2007, Febr. 10. — URL: [en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034](https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034) (accessed: 30 April 2022). — Текст : электронный.
20. Tannenwald, N. It's Time for a U. S. No-First-Use Nuclear Policy / N. Tannenwald. — Текст : непосредственный // Texas National Security Review. — 2019. — Vol. 2, iss. 3 (May).
21. United Nations Charter. — Текст : электронный // United Nations : [сайт]. — URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter>.